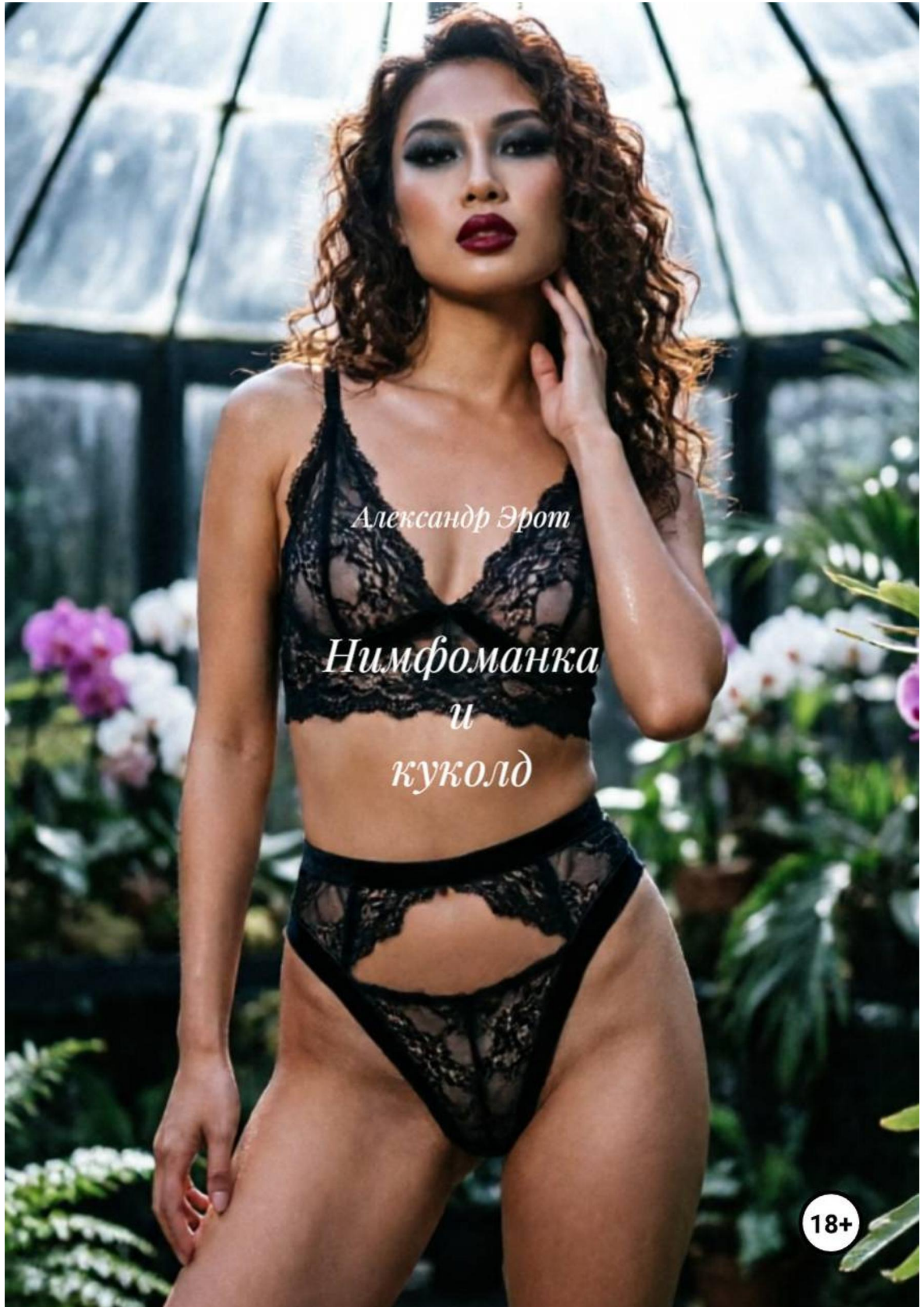

A woman with long, curly brown hair and dramatic makeup (dark eye makeup and red lipstick) is posing in a black lace bodysuit. She is standing in a conservatory or greenhouse, with a glass and metal structure visible in the background and lush green plants and flowers (including pink and white orchids) in the foreground. The lighting is soft and natural, coming from the windows.

Александр Эрот

*Нимфоманка
и
куколд*

18+

Александр Эрот

Нимфоманка и куколд

«Автор»

2026

Эрот А.

Нимфоманка и куколд / А. Эрот — «Автор», 2026

Днем они — безупречная аристократическая чета, скользящая по балам и светским раутам. Но с наступлением ночи их брак превращается в алтарь темного, запретного Эроса. Это манифест мужчины, для которого ревность — болезнь убогих, а высшая форма любви — добровольно отдавать свою жену чужакам. От заброшенного ангара, где ее телом овладевали дикие бродяги, до тропической оранжереи посольства, где она методично ломает волю надменного Виконта. Она — не сосуд, но призма, преломляющая чужую похоть в слепящий свет их собственного триумфа. Эта книга — эротическая эстетика порока, где боль становится молитвой, а абсолютная свобода плоти — путем к божественному. История о паре, перешагнувшей через край человеческой морали, чтобы стать богами в своем жестоком и прекрасном мире. Их тайна навсегда изменит ваше представление о любви, страсти и границах дозволенного.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Александр Эрот

Нимфоманка и куколд

Об этой ночи я молчу. Даже тем избранным, с кем мы привыкли открыто делить алтарь её плоти, не дано узнать нашу тайну.

Влекомые жаждой опасности, мы проникли в заброшенный ангар. Она облачилась как жрица порока: карминные губы, паутина черных чулок и дерзкий лоскут кожи. Этот храм ржавчины и лунного света казался идеальным убежищем для нашего ритуала.

Едва её разгоряченная спина коснулась ледяного металла, из мрака вынырнули двое. Дикие, грубые стражи этих руин осветили нас, обнажив саму суть нашего грехопадения. Удушьящий страх мгновенно переплавился в жгучее возбуждение.

Дрожа от возбуждения, я предложил им жену: «Она жаждет любви. Возьмите её». Их первобытная агрессия сменилась изумлением. В её глазах читалась глубокая благодарность — она была нимфоманкой и торжествовала, зная, что я разделю её триумф как зритель. Я хочу, чтобы вы меня трахнули, сказала она незнакомцам. Я сам сорвал с неё шелк, оставив грудь пульсировать от ночной прохлады. Тяжелая мужская рука властно впелась в её волосы, увлекая на колени навстречу неизбежному блаженству.

Её падение на колени не было актом унижения — о нет, в хореографии нашей любви это был жест величайшего суверенитета, триумфальное нисхождение богини в мир смертных. Твердый бетон, усыпанный металлической стружкой и пылью десятилетий, впился в нежную кожу её ног, но она даже не вздрогнула. В лунном свете, прорезавшем крышу ангара, её запрокинутое лицо казалось высеченным из каррарского мрамора.

Тяжелая рука незнакомца, грубо сжала её шелковистые пряди. Этот контраст — между её утонченной, взлелеянной салонами красотой и звериной, неотесанной силой ночного бродяги — ударил мне в голову хмельным вином. Я отступил на шаг, прислонившись к ржавому остову какого-то механизма, и превратился в чистый взгляд, в абсолютное внимание. Я стал жрецом-наблюдателем, чье безмолвие освящало этот языческий обряд.

Первый из мужчин, всё ещё не веря до конца в реальность предложенного дара, расстегнул ремень. Звук металлической пряжки гулким эхом разнесся под сводами ангара, подобно удару гонга, возвещающему начало мистерии. Она подалась вперед с той грацией пантеры, которая всегда отличала её движения в моменты наивысшего возбуждения. Её карминные губы, влажные и приоткрытые, встретили его плоть не со страхом, а с ненасытным любопытством исследовательницы, впервые ступающей на неведомый континент.

Она приняла его в себя с жадностью послушницы, причащающейся к источнику самой жизни. Я видел, как напряглись мышцы её горла, как её ресницы затрепетали, бросая длинные тени на скулы. В этот момент второй мужчина, словно очнувшись от гипнотического оцепенения, шагнул к ней сзади. Его дыхание было тяжелым, прерывистым; в нем слышался голод хищника, которому бросили трепещущую добычу.

Его мозолистые пальцы легли на её плечи, скользя вниз, сминая остатки одежды. Дерзкий лоскут кожи, который она носила как вызов добродетели, был сорван и отброшен во тьму. Теперь она предстала перед нами в своем первозданном великолепии — обнаженная, если не считать черной паутины чулок, которая лишь подчеркивала ослепительную белизну её бедер.

Обыватель назвал бы меня безумцем. Мелкая, собственническая мораль этого мира содрогнулась бы от ужаса при виде того, как мужчина добровольно отдает свою возлюбленную в руки незнакомцев. Но что знают эти хранители ключей и замков о подлинной любви? Ревность — это болезнь убогих душ, страх потерять то, чем ты на самом деле никогда не владел. Я же знал великую истину Эроса: женщина не сосуд, который может иссякнуть; она — призма.

Пропуская через себя лучи чужого желания, она лишь множит свой собственный свет, возвращая его мне обогащенным, преображенным тысячекратным сиянием.

Смотря на неё сейчас, окруженную этими грубыми стражами руин, я любил её так остро и пронзительно, как никогда прежде.

Второй мужчина опустился на колени позади неё. Его руки, с неожиданным благоговением, словно боясь сломать драгоценный фарфор, легли на её талию. Но это замешательство длилось лишь секунду. Животный магнетизм, исходивший от её кожи, уничтожил в нем последние остатки робости. Он раздвинул её бедра, и я услышал её первый, глубокий стон — звук, родившийся где-то в самых недрах её существа, звук, который невозможно подделать.

Она оказалась в эпицентре шторма, распятая между двумя полюсами мужской агрессии. Впереди — безжалостный ритм, подчиняющий себе её дыхание; позади — слепое, яростное вторжение. Это было не просто соитие, это была алхимия плоти. Я видел, как её тело превращается в текучую ртуть, подстраиваясь, изгибаясь, поглощая их грубость и переплавляя её в чистый, вибрирующий экстаз.

Лунный свет превратил ангар в сцену античного театра. Тени на стенах сплетались в причудливую фигуру многорукого и многоногого божества. Мужчины потеряли свои лица, свои имена, свою социальную природу — они стали просто инструментами её наслаждения, безликими жрецами Фаллоса, призванными служить её культу.

Я медленно подошел ближе. Звуки шлепков плоти о плоть, тяжелое мужское дыхание и её протяжные, мелодичные вскрикивания сливались в симфонию, от которой кровь стучала в висках. Я остановился в шаге от неё. Несмотря на бурю, бушевавшую в её теле, её разум оставался кристально ясным. Сквозь пелену слез и пота, застилавшую её глаза, она нашла мой взгляд.

В этом взгляде было всё: признание, подчинение, бесконечная преданность и торжество. Мы общались поверх голов этих мужчин, на языке, доступном лишь посвященным. «Смотри, что я делаю для тебя, — говорили её расширенные зрачки. — Смотри, как я вбираю в себя этот мир, чтобы потом принести его к твоим ногам».

Я опустился на одно колено. Моя рука скользнула по её лицу, отводя прилипшую ко лбу прядь волос. Мое прикосновение было прохладным и нежным, оно стало якорем, удерживающим её в реальности в тот момент, когда волны оргазма грозили унести её в небытие.

Первый мужчина, почувствовав мое присутствие, на мгновение замер, словно ожидая удара или приказа. Но я лишь улыбнулся ему — спокойной, ободряющей улыбкой соучастника.

— Не останавливайся, — прошептал я. — Она любит силу. Дай ей всё, что у тебя есть.

Его глаза вспыхнули диким огнем. Воодушевленный моим разрешением, он удвоил свой напор. Второй мужчина, захваченный звериным ритмом, издал глухой рык. Его пальцы глубоко впились в её бедра, оставляя следы, которые завтра станут для нас сладким напоминанием об этой ночи, тайными знаками её греха.

Она запрокинула голову, её позвоночник выгнулся дугой, напрягшись, как тетива лука. Горло обнажилось, пульсируя под нежной кожей. Я наклонился и прижался губами к этой пульсирующей вене, вбирая в себя её лихорадочный жар. Я целовал её шею, ключицы, плечи, слизывая соленые капли пота, смешанного с изысканным ароматом её духов.

Теперь мы стали единым целым — четырехглавым мифическим существом, сплетенным во мраке забытого миром храма. Я чувствовал, как вибрация от толчков второго мужчины передается через её тело ко мне. Я вдыхал мускусный запах их возбуждения, смешанный с металлическим запахом ржавчины и крови — ибо её губы были искусаны в кровь от сдерживаемых криков.

Она начала пульсировать. Это началось где-то глубоко внутри, мелкой дрожью, которая стремительно разрасталась, захватывая каждую мышцу, каждый нерв. Её пальцы впились в мои плечи.

— Да... — сорвалось с её губ, переходя в долгий, пронзительный крик, похожий на крик птицы, летящей навстречу солнцу.

Её оргазм был подобен землетрясению. Он обрушился на неё с такой силой, что мужчины вокруг неё потеряли равновесие. Её тело содрогалось в мощных конвульсиях, сжимая их, подчиняя их своей воле, вытягивая из них жизненную силу. Она была не жертвой, растерзанной хищниками; она была черной дырой, поглощающей их энергию без остатка.

Синхронность, с которой природа управляет своими стихиями, проявилась и здесь. Её сокрушительный экстаз стал тем спусковым крючком, который сорвал печати с их сдерживаемой страсти. Оба незнакомца, охваченные первобытным ужасом и невыразимым блаженством, излились одновременно, сдавленно вскрикнув, словно отдавая ей свои души.

На несколько минут в ангаре воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием трех человек. Мужчины медленно, словно пробуждаясь от тяжелого, но прекрасного сна, отстранились от неё. Они отступали пятясь, неуклюже поправляя одежду. В их глазах больше не было ни агрессии, ни похоти — только растерянность и суеверный страх.

Они ожидали встретить в этих руинах грязь, мимолетное, постыдное удовлетворение низменных инстинктов, а столкнулись с божественным откровением. Они стали участниками ритуала, смысл которого был им недоступен, но величие которого они ощутили каждой клеткой своих уставших тел. Не проронив ни слова, словно боясь разрушить магию этого места, они развернулись и растворились в темноте, оставив нас одних.

Она осталась лежать на полу. Раскинув руки, тяжело дыша, с закрытыми глазами. Её тело блестело в лунном свете, покрытое испариной, следами грубых пальцев и бетонной пылью. В этот момент она казалась мне прекраснее, чем когда-либо. Она была разрушена и создана заново. Она была пуста и одновременно переполнена.

Я снял свой пиджак и бережно опустил рядом с ней. Завернув её дрожащее плечо в теплую ткань, я приподнял её голову и положил себе на колени.

Она медленно открыла глаза. Её взгляд, глубокий, как океан после шторма, встретился с моим. На её искусанных губах заиграла слабая, но бесконечно нежная улыбка.

— Ты видел? — прошептала она, и её голос был хриплым, сорванным.

— Я видел всё, моя любовь, — ответил я, поглаживая её спутанные волосы. — Ты была совершенна. Ты была абсолют.

Она вздохнула, прижимаясь щекой к моей руке. В этом жесте было столько трогательной беззащитности, что у меня перехватило дыхание. Парадокс Эроса заключался именно в этом: только познав пределы собственной порочности, отдавшись на милость дикой, разрушительной стихии, она могла вернуться ко мне в своей самой чистой, первозданной невинности.

Я взял её на руки. Она была легкой, как перышко, истощенной своим собственным триумфом. Мы покидали этот храм ржавчины под покровом ночи, унося с собой тайну, которая навсегда изменила геометрию нашей близости.

Об этой ночи мы не расскажем никому. Даже те, кто делит с нами шелк наших постелей в особняке, кто пьет шампанское с её живота и внимает её философии свободы, не узнают о том, что произошло здесь. Это останется нашим личным священным писанием, скрытым апокрифом нашей религии.

Ибо есть наслаждения, созданные для того, чтобы делиться ими с миром, чтобы множить радость и воспевать красоту свободной плоти. И есть наслаждения иного рода — темные, бездонные, рожденные на стыке страха и экстаза. Они требуют тишины. Они принадлежат лишь двоим: той, что осмелилась перешагнуть через край бездны, и тому, кто стоял на краю, чтобы поймать её взгляд в момент падения.

Мы покинули этот храм ржавчины под покровом ночи. Я нес её на руках, ступая по битому стеклу и искореженному металлу с той осторожностью, с какой жрец выносит из разрушенного святилища самую ценную реликвию. Ночная прохлада, еще недавно казавшаяся

освежающей, теперь ласково остужала её пылающую кожу. Мой автомобиль — тяжелый, черный зверь британских кровей, припаркованный в тени полуразрушенной стены — ждал нас, безмолвный и преданный.

Я усадил её на заднее сиденье, на прохладную, пахнущую дорогим табаком и полированным деревом кожу. Едва дверь захлопнулась, отрезая нас от внешнего мира, салон превратился в исповедальню, в капсулу вне времени и пространства. Двигатель заурчал низко и утробно, и мы медленно покатались прочь от промышленных окраин, навстречу неоновым артериям засыпающего города.

В зеркале заднего вида я видел её силуэт. Она полулежала, укрытая моим пиджаком, её профиль выхватывали скользкие лучи уличных фонарей. В этом замкнутом пространстве запахи ночи раскрылись с новой, одурманивающей силой. Аромат её французских духов — сложный, цветочный, с нотами амбры — теперь был неразрывно сплетен с резким, первобытным запахом мужского пота, и того неповторимого, солоноватого мускуса, который источает женское тело, пережившее катарсис. Этот запах был свидетельством её триумфа, невидимой короной её порочности. Он дурманил меня сильнее абсента.

Я вел машину, и мои руки, сжимавшие руль, напряглись. Я был зрителем, архитектором этой мистерии, но теперь, когда чужие актеры покинули сцену, во мне начала подниматься моя собственная, долго сдерживаемая волна. Я позволил им испить из её источника, но сам источник всегда принадлежал лишь мне. Это знание распяляло кровь. Каждый след на её теле, каждая царапина, оставленная мозолистыми пальцами незнакомцев, зывали ко мне.

Город мелькал за окнами слепыми фасадами. Никто из этих спящих бюргеров, укрывшихся за надежными замками своих буржуазных спален, не мог бы даже вообразить, какую богиню везет этот черный автомобиль. Для них любовь была контрактом, долгом, уютной привычкой. Для нас она была экспедицией в бездну, алхимическим процессом, в котором металл обыденности переплавлялся в золото чистого, опасного экстаза.

Мы въехали в подземный гараж нашего особняка. Я снова взял её на руки. Она обняла меня за шею, её дыхание, всё еще неровное, щекотало мне кожу. Лифт бесшумно вознес нас в наши апартаменты — царство шелка, ковров, приглушенного света и зеркал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.